УДК 94(47).084.3

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ И БОЛЬШЕВИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ И БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИЙ (ОКТЯБРЬ 1917 – 1924 ГГ.)

Е.А. Кляченков

В статье на основе материалов местных и центральных архивов рассматриваются взаимоотношения социалистической оппозиции и большевиков на территории Орловской и Брянской губерний после октября 1917 года.

Ключевые слова: *меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты, история политических партий, репрессии.*

Крушение однопартийной политической системы более двадцати лет назад и развитие многопартийности в нашей стране вызвали особый исследовательский интерес к истории оппозиционных социалистических партий в первые годы советской власти.

Наиболее активно тема взаимоотношений социалистической оппозиции и большевиков стала разрабатываться в постсоветский период. Опубликован ряд исследований по истории социалистических партий [1], существуют публикации, в которых анализируется деятельность оппозиционных партий в различных регионах страны [2]. Вышло немало сборников документов, освещающих деятельность социалистической оппозиции в данный период [3]. Но, несмотря на наличие солидной историографии по данной теме, региональный аспект взаимоотношения социалистической оппозиции и власти коммунистов остается наименее изученным.

В данной работе мы попытались проанализировать особенности взаимоотношений оппозиционных социалистических партий и большевиков на территории Орловской и Брянской губерний после октября 1917 года.

Репрессии в отношении социалистов начались сразу после прихода большевиков к власти. Первый удар со стороны коммунистов приняла на себя оппозиционная периодическая печать. 4 ноября 1917 г. ВЦИК принял специальное постановление, в котором определил свободу слова, как меру «безусловно контрреволюционного характера» [4, с.43]. В результате уже в январе-феврале 1918 г. только в Петрограде и Москве было закрыто около 70 газет. Вместе с этим, 4 декабря В. И. Ленин подписал декрет об аресте группы эсеровских и меньшевистских лидеров [5, с.22]. Весной 1918 г. репрессиям подверглись уже бывшие союзники большевиков – анархисты, аресты которых были проведены в ряде крупных городов страны.

Нужно отметить, что если в центре в отношении социалистической оппозиции властью проводилась достаточно жесткая линия поведения, то в провинции ситуация резко отличалась. Большевики были вынуждены считаться со своими политическими оппонентами, которые зачастую имели немалый вес в местных органах власти – Советах. Так, в Совете рабочих депутатов крупного промышленного центра Орловской губернии – п. Бежица, коммунисты не имели большинства. Во вновь избранный Исполком, состоящий из 15 человек, коммунистам удалось провести лишь четырех кандидатов [6]. Неоднородным по составу был I-й Трубчевский уездный съезд Советов, открывшийся 2 января 1918 г. Съезд избрал Исполком в количестве 18 человек (9 большевиков, 8 эсеров и 1 меньшевик), председателем которого стал эсер Черкасов [7]. Орловские коммунисты разделяли властные полномочия вместе с представителями партии левых эсеров. Орловский уездный исполком, сформированный в феврале 1918 г., состоял из 12 левых эсеров и 3 большевиков [8, с.59].

Провинциальные эсеро-меньшевистские Советы подвергали действия большевиков жесткой критике. В частности, Карачевский уездный Совет осудил октябрьский переворот в Петрограде [9, с.77]. 2 января 1918 г. на заседании Брянского Совета меньшевик П. Товбин обрушился с критикой на «большевистскую авантюру», а резолюция, призывающая к «немедленному созыву Учредительного собрания» была принята большинством голосов [10, с.149]. Еще одна похожая резолюция была принята в тот же день и на заседании Бежицкого Совета рабочих депутатов. В резолюции отмечалось, что «Совет Народных Комиссаров должен сложить свои полномочия и дать отчет о своей деятельности Учредительному собранию» [11]. 9 марта 1918 г. меньшевикам удалось провести в Брянском Совете резолюцию, осуждающую принятие Брестского мира (50 голосов - за, 23 - против) [12].

Отсутствие формальной власти в руках местных большевиков не всегда мешало им проводить самостоятельную политику. Так, Бежицкий Революционный комитет, состоящий из коммунистов,

левых эсеров и анархистов, произвел захват клуба заводского общественного собрания, несмотря на протесты эсеро-меньшевистского Совета рабочих депутатов [13]. Бежицкие коммунисты пытались проводить продовольственную политику, диктуемую центром, в обход решений местного Совета рабочих депутатов. Так, в своем докладе от 4 августа 1918 г., большевик Фирсов отмечал следующее: «Без помощи Совета, который стоит против отправки реквизиционных продовольственных отрядов в деревню за хлебом и на борьбу с кулаками – Бежицкая организация своими силами отправила уже три отряда и четвертый формирует» [14].

В первой половине 1918 г. для большевиков Брянского уезда сложилась неблагоприятная политическая ситуация, что, очевидно, отражало картину падения популярности коммунистов в целом по стране. На заводе Арсенал большим авторитетом пользовались анархисты. Весной 1918 г. Брянская федерация анархистов наладила выпуск своего печатного органа «Вестника анархии», со страниц которого подвергалась критике политика большевиков. На первомайской демонстрации 1918 г., после речи лидера брянских анархистов Н. Бодрова, толпа собравшихся, игнорируя призывы большевиков, двинулась к местной тюрьме и освободила всех заключенных [15]. Бежицкие меньшевики и правые эсеры, имеющие большинство в местном Совете, постоянно критиковали деятельность большевистской власти. Так, 21 июля 1918 г. эсерами и меньшевиками в Бежице был организован крестьянский съезд из 50 представителей, на котором была принята резолюция с осуждением политики военного коммунизма в деревне [16]. Кроме того, велась подготовка к созыву «беспартийной рабочей конференции».

После принятия декрета ВЦИК от 14 июня 1918 г. об удалении эсеров и меньшевиков из Советов всех уровней, главным инструментом репрессий против социалистов стали чрезвычайные органы. Тем не менее, проведение данного декрета в жизнь не всегда проходило гладко. Удаление коммунистами меньшевиков и правых эсеров из Брянского Совета 29 июня 1918 г. вызвало непонимание со стороны рабочих. Так, 12 июля 1918 г. представителем от группы беспартийных было внесено предложение о включении в состав членов Совета меньшевиков и правых эсеров, на что председатель Совета заявил, что правые эсеры и меньшевики, как не признающие Советской власти, на заседание Совета допущены быть не могут. В знак протеста, беспартийные покинули заседание Совета [17, с.212]. Еще более показателен пример с разгоном оппозиционного эсеро-меньшевистского Бежицкого Совета, инициатором которого стала Москва. Бежицкие коммунисты вместе с Брянским уездным бюро большевиков, напротив, считали силовую акцию преждевременной и опасной затеей. «Всякое выступление в данный момент вооруженной силы против Бежицкого Совета, - говорилось в принятой резолюции от 5 августа 1918 г., - является гибельным для Завода и для только что начинающегося перелома в настроениях рабочих» [19]. Несмотря на нежелание местных коммунистов идти на вооруженную конфронтацию со своими политическими оппонентами, в начале августа 1918 г. в Брянск прибыл отряд ВЧК во главе с И. А. Визнером, который приступил к операции по обезоруживанию Брянска и Бежицы от антисоветских элементов [18, с.287, 288]. Разгон Бежицкого Совета 17 августа 1918 г., силами ВЧК и Орловских частей красноармейцев, вызвал осуждение со стороны местных рабочих, собравшихся в тот же день на митинг протеста. В принятой на митинге резолюции рабочие требовали: «…немедленного удаления красноармейского отряда, восстановления прежнего Совета, освобождения типографии и освобождения некоторых арестованных» [20]. И нужно отметить, местные коммунисты не могли не считаться с влиянием оппозиционных партий, поэтому в состав нового Революционного Совета так же были включены меньшевики и левые эсеры. Но уже в сентябре 1918 г., под давлением Брянского уездного бюро, бежицкие коммунисты приняли решение исключить из Совета всех меньшевиков и правых эсеров, а 20 сентября распустили местный комитет последних [21].

В ночь на 1 сентября 1918 г. коммунисты разоружили Брянскую федерацию анархистов, которая пользовалась большим влиянием на рабочих местного Арсенала. После этих событий, Брянский Исполком принял следующую резолюцию: «…Мы не боремся с анархизмом. Мы боремся с анархо-бандитскими выступлениями. И пусть знают те, кто осмеливается террору посягать на существующую власть, что за каждую голову Советского работника будут истреблены сотни голов буржуазии и её агентов» [22]. Данная резолюция, как справедливо отмечает М. В. Брянцев, явно указывает на то, что местные большевики не столько испугались выступления анархистов, которого, как такового и не было, сколько воспользовались покушением на Ленина и убийством Урицкого для того, чтобы подавить своих противников, обладавших значительным вооружением, и являвшихся угрозой для местной власти [17, с.223, 224].

Летом 1918 г. произошел окончательный разрыв большевиков с их бывшими союзниками по правительственной коалиции левыми эсерами. Популярность левых эсеров росла на фоне сокращения

численности местных организаций РКП (б), состав которых, как отмечает Л.М. Спирин, летом 1918 г. по сравнению с первыми месяцами Советской власти, сократилась почти наполовину [23, с.124]. После убийства немецкого посла Мирбаха 6 июля 1918 г. и вооруженных столкновений в Москве, начались гонения на партию левых социалистов-революционеров.

Реакция местных левых социалистов-революционеров на события 6 июля в Москве была различной. Так, Брянский комитет ПЛСР на заседании горсовета 12 июля вынес резолюцию следующего характера: «Вполне одобряя приговор, вынесенный ЦИК Графу Мирбаху, и считая основания, по коим таковой был вынесен, вполне достаточными, Брянская организация партии левых социалистов-революционеров считает приведение его в исполнение в данный политический момент…глубоко несвоевременным, и могущим повести за собою…печальные последствия». На том же заседании, лидер брянских левых эсеров А. Петрищев заявил: «мы будем в оппозиции в Советах, но с оружием в руках мы не должны выступать на улицу против большевиков» [24]. Таким образом, высказав свою лояльность большевикам и осудив деятельность своего ЦК, местные левые эсеры продолжили работу в Совете. Однако не везде действия левых эсеров были аналогичными. На заседании Карачевского Исполкома 8 июля 1918 г. была принята антибольшевистская резолюция: «Карачевский Исполком протестует всеми силами против насилия, учиненного партией коммунистов над представителями уезда, принадлежащими партии левых эсеров, а так же протестует против всей тактики коммунистов на V съезде Советов. Настроение всего уезда за поддержку левых эсеров» [25]. Только во второй половине июля большевикам удалось провести большинство своих сторонников в Карачевский Совет.

Большой поддержкой левые эсеры заручились на III Орловском губернском съезде Советов. Как сообщала газета «Орловские Известия», представитель местных левых эсеров Хохлов заявил, что «орловские левые социалисты-революционеры против выступления своих московских собратьев и что они будут настаивать на перевыборах своего ЦК» [26]. Но, несмотря на большую поддержку по итогам выборов [27] и заявление о недоверии к своему ЦК, орловские левые эсеры подверглись репрессиям. В конце июля 1918 г. левые социалисты-революционеры были удалены из Губисполкома, Горисполкома, Ревтрибунала и следственной комиссии за «нежелание определенно осудить позицию своего ЦК». Позднее, в первых числах августа, был арестован и сам орловский комитет левых эсеров, а только начавшая выходить левоэсеровская газета «Соха и Молот» была закрыта [28]. Впоследствии, Орловская уездная ЧК откровенно отмечала: «…при Орловском уездном Совете <…> фракции левых эсеров в настоящее время не существует. Благодаря энергичной работе вышеозначенной комиссии, фракция левых эсеров ликвидирована. Все члены партии, после ареста некоторых из них, вынесли горячие протесты ЦК и вышли из партии…» [29].

Таким образом, летом 1918 г. на первый план вышли силовые методы борьбы с оппозицией. Неугодные большевикам Советы, как правило, объявлялись «контрреволюционными» и распускались. К примеру, 22 сентября был распущен эсеровский Мглинский уездный Совет. Почепский уездный съезд Советов, собравшийся 25 августа 1918 г., получил левоэсеровское большинство. Местными большевиками выборы были объявлены «неправильными», уезд был объявлен на военном положении, а в отделы Исполкома возглавляемые эсерами были направлены коммунисты. В сентябре большевикам удалось, заручившись поддержкой центра, назначить новые перевыборы и провести большинство своих сторонников в Почепский Совет [17, с.212, 213].

В итоге репрессивной деятельности большевиков в отношении оппозиционных социалистических партий, к концу 1918 г. коммунисты получили большинство мест в органах власти Орловской губернии. Представители оппозиции были вытеснены из Орловского губернского исполкома, а также из большинства уездных Исполкомов. Из 12 уездных Исполкомов Орловской губернии, лишь в пяти Исполкомах имелись представители социалистической оппозиции. Так, в Брянском уездном Исполкоме наряду с 16 коммунистами заседали 7 левых эсеров и 2 максималиста. В состав Карачевского уездного Исполкома входило 10 коммунистов и 5 левых эсеров. По одному представителю оппозиции было в Кромском и Трубчевском Исполкомах (социал-демократ интернационалист и анархист соответственно), 2 социалиста (эсер и максималист) прошли в состав Мценского уездного Исполкома [30].

Самые сильные позиции у социалистической оппозиции были в Брянском, Карачевском и Дмитровском уездах. Так, среди 33 членов Исполкомов 12 волостных Советов Карачевского уезда было: 4 большевика, 18 сочувствующих большевикам, 6 беспартийных, 4 эсера, 1 социал-демократ [31, с.189]. В составе 14 волостных исполкомов Дмитровского уезда было: 5 большевиков, 15 сочувствующих большевикам, 19 беспартийных и 11 левых эсеров [30]. Пёстрыми, по политическому составу, были и волостные исполкомы Брянского уезда, например, в Бежицкий Революционный

Совет входило 16 большевиков, 5 левых эсеров и 1 социал-демократ интернационалист [32].

Важной особенностью тактики большевиков в отношении своих политических оппонентов была готовность идти на временные уступки и соглашения. Так, осенью 1918 г., в разгар «красного террора» большевики неожиданно изъявили готовность к сотрудничеству с социалистами. В своем докладе, на собрании партийных работников в Москве 27 ноября 1918 г., В. И. Ленин заявил о возможности «установления добрососедских отношений» с группами мелкобуржуазной демократии [33, с.219]. После чего, в ноябре 1918 г. представители РСДРП вновь получили право легально работать в советских учреждениях, а в феврале 1919 г. была легализована партия социалистов-революционеров.

В январе 1919 г. на выборах в Бежицкий Совет рабочих депутатов около половины мандатов получили представители меньшевиков и левых социалистов-революционеров. Местные коммунисты, конечно, не могли мириться с потерей своего большинства в Совете и поэтому прибегли к незаконным методам. Два спорных места было передано представителям Бежицкой караульной роты, что увеличило общую численность коммунистов в Совете с 23 до 25 человек. Затем, постановлением Бежицкого уездного комитета РКП (б) представители меньшевиков были исключены из Исполкома Бежицкого Совета, в котором коммунисты получили большинство мест. Аргументация большевиков к таким действиям в отношении оппозиции была проста – как заявил коммунист Желтов, в списках меньшевиков «есть отъявленные активисты». Впоследствии, в своем протестном заявлении, представители фракции РСДРП указывали: «…после выяснения результатов выборов в Совет, когда было установлено, что список №3 РСДРП получил 1/3 всех избирательных голосов, депутатами-коммунистами и Бежицким Революционным Советом в списке <…> РСДРП были обнаружены опасные для советской власти «активисты» и право 1/3 избирателей-рабочих было грубо узурпировано…» [34].

Новая волна репрессий в отношении партии левых социалистов-революционеров началась в феврале 1919 г. В Москве начались аресты представителей партии левых эсеров. Формулировка была традиционная - «за подготовку к восстанию против Советской власти». В феврале-марте 1919 г. по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована почти вся левоэсеровская верхушка и около 200 партийных работников [5, с.44]. Вслед за событиями в Москве, на заседании Бежицкого Совета 17 февраля 1919 г. был заслушан доклад большевика Анишкина «О тактике левых эсеров…». После заслушивания доклада, коммунисты утвердили постановление Бежицкой организации РКП (б) об удалении левых эсеров из Исполкома Совета, а на следующий день левые социалисты-революционеры были исключены так же из самого Совета рабочих депутатов [35].

Весной 1919 г. начался очередной виток давления против социалистических партий. В регионы рассылались циркуляры об арестах видных меньшевиков и эсеров, ведущих антисоветскую деятельность [36, с.131]. В первых числах марта 1919 г. в п. Льговском, под Брянском, произошло восстание красноармейских частей, вскоре подавленное. На VIII съезде РКП (б) В.И. Ленин, используя традиционное клише, недвусмысленно заявил, что «в Брянске над восстанием работали меньшевики…» [37, с.163]. После подавления выступления красноармейцев последовали обыски и изъятия документов в квартирах меньшевиков, организованные Брянской ЧК. На заседании 20 марта 1919 г., выслушав протесты членов Брянской организации РСДРП по поводу обысков, Исполком Брянского Совета принял следующую резолюции: «…принимая во внимание расхождение местных членов РСДРП с центральным комитетом меньшевиков в вопросах участия в работах в советских учреждениях, и принимая во внимание их добросовестное отношение к делу, считать обыск – не основательным, довести об этом сведения центра, и просить тт. Самсонова, Анастасина, Губина и Борисова (меньшевиков – Е. К.) занять свои должности» [38]. Кроме того, о непричастности членов РСДРП к восстанию заверил в письме к В.И. Ленину видный меньшевик В.Г. Громан: «В Брянске комитет коммунистической партии удостоверил, что меньшевики не только не принимали участие в восстании, но целый ряд из них активно боролись с ним» [39, с.161].

На заседании Брянского уездного комитета РКП (б), 2 апреля 1919 г., председатель Брянской ЧК заявил «о том, что получена телеграмма из центра, в которой предлагается взять заложников из меньшевиков и эсеров, а так же из буржуазии». Местные коммунисты выступили против таких мер, мотивируя это тем, что «обыск меньшевиков и эсеров не дал результатов, и что меньшевики работают в отделах Совета и им вполне доверяют…» [40].

Вскоре, в Брянске прошли аресты эсеров, в ходе которых было конфисковано «пять пудов агитационной литературы» [41]. Арестованным оказался и видный брянский левый эсер Андрей Петрищев. Интересно отметить, что и здесь Брянский уездный комитет РКП (б) ходатайствовал перед Брянской ЧК об освобождении левого эсера [42].

Данные примеры красноречиво говорят о том, что репрессивная политика центральной власти против представителей социалистической оппозиции в провинции протекала не гладко. Директивы центра часто встречали с непониманием. В резолюциях местных коммунистов есть тезисы о «неправильности информирования центра» в отношении членов оппозиционных партий. Можно дать несколько объяснений такой реакции на политику центральной власти. Во-первых, местные большевики, очевидно, мало смотрели на партийную принадлежность того или иного советского работника. За нехваткой опытных кадров, ценился, прежде всего, профессионализм и деловые качества сотрудника. Во-вторых, местная политическая элита в лице членов РКП (б), вероятно, еще очень болезненно воспринимала вмешательство Москвы в свои внутренние дела.

Очередные потепления отношений между властью большевиков и оппозицией произошли осенью 1919 года в связи с тяжелым положением на фронте. С началом наступления войск Деникина, ЦК РСДРП постановил «призвать всех членов партии к самой активной работе по обслуживанию Красной Армии и к агитации в пролетариате за самое деятельное участие в обороне». 10 ноября 1919 г. делегация меньшевиков в составе члена ЦК РСДРП Плескова и трёх членов московской организации выехали в Брянск с целью сплочения пролетариата «для отпора контрреволюции». По прибытии делегации в Брянск, выяснилось, что «последние несколько месяцев как Брянская, так и соседняя Бежицкая партийная организация почти никакой открытой и широкой политической работы не вели, в силу политических и полицейских условий, общих для всей Советской России…» [43, с.12, 15]. В ходе переговоров с местными коммунистами, после некоторых колебаний, меньшевикам все же удалось добиться разрешения на проведение митингов. В частности, Брянский комитет РКП (б) признал «допустимым совместные выступления против надвигающейся контрреволюции», однако, с условием «не выдвигать своих тактических разногласий» [44]. Силами меньшевиков и коммунистов, в общей сложности, в Брянском промышленном районе было организовано 7 митингов. Как указывалось в отчете меньшевиков, настроения, с которыми воспринимались речи ораторов, были неодинаковы в зависимости от местных условий. Так, в Людинове, где были сильны репрессии «чрезвычайки», массы были настроены явно враждебно против коммунистов, и никакие призывы к борьбе с Деникиным не могли смягчить это настроение. В Бежице, где большевики в своих выступлениях были «весьма корректны», настроение рабочих было не столь подавлено, как в других местах [43, с.16].

Несмотря на притеснения со стороны властей и фактическую монополизацию политической жизни большевиками, меньшевики продолжали пользоваться популярностью среди рабочих. Во многом это определялось продовольственными трудностями и выливалось в протестное движение пролетариата. Так, летом 1919 г. секретарь ЦК РКП (б) Е. Стасова направила в Брянский комитет партии сообщение, в котором Москва выражала обеспокоенность активностью оппозиции: «Нами получены сведения из секретного отдела ВЧК о том, что п. Бежица является гнездом эсеров, меньшевиков и анархистов, ведущих среди рабочих агитацию» [45]. В частности, по результатам выборов, проведенных в Бежицкий Совет рабочих депутатов в августе 1919 г., коммунисты получили - 31, а меньшевики – 19 мест. Интересно отметить, что местные коммунисты прекрасно понимали о значительной поддержке рабочими своих политических оппонентов. Поэтому накануне выборов Бежицкий комитет РКП (б) постановил следующее: «если в список беспартийных войдут бывшие меньшевики или эсеры, то его не принимать, если абсолютным большинством пройдут меньшевики, то создать Революционный Совет (т.е. объявить избранный Совет «контрреволюционным» - Е.К.)» [46]. К 1920 г. меньшевики практически потеряли свое представительство в местном Совете. На перевыборах в Бежицкий Совет, проведенных в январе 1920 г., большевики получили 41 место, а меньшевики – 9. В августе 1920 г. оппозиция фактически была окончательно вытеснена из Бежицкого органа власти – меньшевики заручились поддержкой всего лишь 78 голосов из 3114 возможных [47].

В 1921 г. еще продолжали свою деятельность левые эсеры. В марте 1921 г. в Бежицкий райком партии большевиков поступило заявление от левых социалистов-революционеров с просьбой предоставить им помещение для клуба и конторы для журнала «Знамя». Осталось неизвестным окончательное решение вопроса по этому поводу, Губернским комитетом РКП (б), но, со своей стороны, президиум райкома посчитал, «что в настоящее время несвоевременно допущение легальной работы каких бы то ни было групп» [48].

После своего вытеснения из органов власти, социалисты принимали участие в работе профессиональных организаций. Такая деятельность была характерна, прежде всего, для меньшевиков. Например, в июле 1919 г. коммунист Клобко, на заседании Брянского укома РКП (б), призывал направить больше коммунистов в отдел труда, т.к. «в профессиональных организациях вообще много меньшевиков, с которыми приходится сталкиваться…» [49]. Так, в сводке о партийной

жизни в провинции за январь 1919 г. отмечалось то, что в рабочем п. Старь Брянского уезда, несмотря на наличие коммунистического Совета, в заводском правлении и правлении кооператива находятся меньшевики и беспартийные [50]. 22 февраля 1919 г. на открытии I-го Орловского губернского съезда профессиональных союзов так же присутствовала фракция социал-демократов, отстаивающая тезис о том, что «союзы должны быть свободны от политического контроля» [51].

В 1921 г. началась очередная волна репрессий в отношении социалистов. Ленин поручил органам ВЧК разработать «систематический план» мер по ликвидации до начала 1922 г. партий эсеров и меньшевиков [52, с.129]. В феврале 1922 г. в Москве прошли аресты членов бюро социал-демократического союза молодежи. Давление в отношении молодежного крыла РСДРП наблюдалось и в провинции. Так, в сентябре 1922 г. на стол секретаря Орловского Губкома РКП (б) легла телеграмма от ЦК РКСМ «о том, что в Малоархангельске находятся члены ЦК молодежи меньшевиков, с предложением принять меры к парализации их деятельности» [53].

Летом 1922 г. в Москве состоялся показательный судебный процесс партии социалистов-революционеров. Как верно отметил К.Н. Морозов, основной целью судебного процесса партии эсеров стала «дискредитация их как революционеров» [54, с.5]. Накануне открытия процесса, в губернские и уездные комитеты РКП (б) рассылались инструкции по подготовке к политической кампании. Местным коммунистам предлагалось организовывать конференции и митинги в пролетарских районах, раскрывая рабочим массам «авантюристскую роль эсеров, как агентов Антанты, предателей рабочего класса…» [55]. Власть большевиков не скупилась на ярлыки и обвинения в адрес партии эсеров. В частности, как с уверенностью констатировала пропагандистская брошюра, изданная Малоархангельским укомом РКП (б), «…ни одно восстание в РСФСР даже такое, как восстание Антонова в Тамбовской губернии, не обошлось без участия со стороны социалистов-революционеров» [56, с.4].

В 1922 г. ГПУ начало вести работу по подготовке Всероссийского съезда бывших членов партии эсеров с целью ее «самороспуска», а с весны 1923 г. подобная работа проводилась в отношении РСДРП. Итогом деятельности чекистов стало, так называемое, «движение ликвидаторства», охватившее в 1923-1924 гг. многие регионы страны. Так, 2 декабря 1923 г. в Бежице прошла губернская конференция бывших социалистов-революционеров. На конференции присутствовал 41 делегат из Бежицы, Трубчевска, Людиново, Карачева, Дятьково, Городища. Большевистская пресса особо подчеркивала легитимность данного мероприятия. Как отмечалось в местной газете, на конференции преобладали «старые члены эсеровской партии, долгие годы, работавшие в царском подполье». По итогам конференции была принята резолюция, объявлявшая партию социалистов-революционеров «не существующей» и призывающая оказать «полную поддержку РКП путем усиления ее рядов и активного участия в ее работе…». [57].

За социалистами-революционерами последовал черед социал-демократов. 5 декабря 1923 г. в печати вышло обращение «инициативной группы» меньшевиков Брянска и Бежицы с призывом к членам РСДРП прибыть на губернскую конференцию. В обращении утверждалось то, что меньшевизм «изменил идеям международной борьбы и солидарности», а так же «объективно содействовал и содействует контрреволюции». Правильность же линии РКП (б), по мнению «инициативной группы», «нашла свое историческое подтверждение» [58]. Позднее, 20 февраля 1924 г. состоялся «ликвидационный» съезд меньшевиков Брянской губернии. В резолюции съезда было объявлено, что «брянская организация меньшевиков лишилась доверия рабочих масс и механически распалась» [59].

Таким образом, итогом репрессивной политики большевиков в отношении своих политических оппонентов стало полное удаление социалистов из политической жизни страны и прекращение деятельности оппозиционных политических партий в первой половине 1920-х гг. Часть членов оппозиционных социалистических партий перешла в ряды РКП (б), либо вовсе отошла от политической жизни; другая часть социалистов была репрессирована и оказалась в ссылках или тюрьмах. Открыто заявлять о своей партийности, было небезопасно. Многие оппозиционеры, как правило, на выборы выдвигались в качестве «беспартийных». Между тем, репрессивная линия политики власти в отношении социалистов часто находила препятствия в регионах. Руководству большевиков было необходимо считаться с политическими реалиями в провинции, так как местные коммунисты еще очень болезненно воспринимали вмешательство Москвы в свои внутренние дела.

In this article based on materials of local and central archives is considered the relationship between the Socialist opposition and the Bolsheviks in the Orel and Bryansk provinces since October 1917.
The key words: *the menshevik, the socialist-revolutionary, the anarchist, the history of political parties, repressions.*

Список литературы

1. См.: Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры между утопиями и реальностью // Политические исследования. 1993. №6. С.157-165., Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. №2. С.32-51., Леонтьев Я.В. Скифы русской революции. Партия левых социалистов-революционеров и ее литературные попутчики. М., 2007., Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002., Юрьев А.И. Эсеры на историческом переломе (1917-1918). М., 2011 и др.

2. См.: Лозбенев И.Н. Оппозиционные политические партии в регионе Центральной части Европейской России (1920-е гг.) // Российская история. 2010. №4. С.23-28., Рязанцева Е.А. Саратовские меньшевики в 1921-1923 годах: под прессом советской власти // Известия Саратовского университета. 2010. Т.10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. С.99-104., Салтык Г.А. Неонародничество России: региональный аспект (1917-1918 гг.). Курск., 2001. и др.

3. См.: Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998., Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917-1925 гг. В 3-х тт. / Т.1. июль 1917 г. – май 1918 г. М., 2000. и др.

4. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1.

5. Павлов Д.Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 - середина 1950-х годов. М., 1999.

6. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф.Р-558.Оп.1.Д.2.Л.46.

7. ГАБО. Ф.П-451. Оп.1. Д.93. Л.150.

8. За власть Советов. Орёл, 1957.

9. Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1982.

10. Кошевич К. Октябрьский переворот в Бежице // Коммунар. 1927. №16-17.

11. ГАБО. Ф.Р-558. Оп.1. Д.2. Л.50об.

12. ГАБО. Ф.Р-2385. Оп.1. Д.2. Л.1.

13. ГАБО. Ф.Р-558. Оп.1. Д.2. Л.58.

14. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.5. Л.2.

15. Борьба. 1918. 3 мая.

16. Известия Брянского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 25 июля.

17. Брянцев М.В. Борьба за власть весной-осенью 1918 // Право: история, теория, практика. Сб. статей и материалов. Вып. 14. Брянск, 2010.

18. Брянцев М.В. Формирование Брянской чрезвычайной комиссии и отношения с местными властями // Право: история, теория, практика. Сб. статей и материалов. Вып. 15. Брянск, 2011.

19. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.3. Л.8.

20. Известия Брянского районного Совета… 1918. 21 августа.

21. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.5. Л.30.

22. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.75. Л.58.

23. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). М., 1967.

24. Известия Брянского районного Совета… 1918. 14 июля.

25. ГАБО. Ф.Р-526. Оп.1. Д.2. Л.154.

26. Орловские Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 14 июля.

27. Там же. 1918. 9 июля.

28. См.: Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф.Р-1. Оп.1. Д.76. Л.5, 6; Известия Брянского районного Совета… 1918. 31 июля, 4 августа, 7 августа; Орловские Известия Советов… 1918. 31 июля, 1 августа.

29. ГАОО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.52. Л.10.

30. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.Р-393. Оп.2. Д.66. Л.254-256об. (Сведения о составе губернского, уездных, городских и волостных исполкомов совдепов)

31. Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочнение Советские власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.). Тула, 1977.

32. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.144. Л.185.

33. Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т.37.

34. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.145. Л.5.

35. Там же. Л.10, 11.

36. Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Ленинград, 1988.
37. Ленин В.И. ПСС. М., 1969. Т.38.
38. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.73. Л.24.
39. Меньшевики в большевистской России. 1918-1924 / Меньшевики в 1919-1920. М., 2000.
40. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.20об.
41. ГА РФ. Ф.Р-393. Оп.12. Д.6. Л.8.
42. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.25.
43. Оборона революции и социал-демократия. Сб. статей. Петроград, 1920.
44. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.61. Л.5об.
45. ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.1. Л.7.
46. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.11. Л.18, 14.
47. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.32. Л.2, 26об.
48. ГАБО. Ф.П-4. Оп.1. Д.62. Л.15об.
49. ГАБО. Ф.П-3. Оп.1. Д.62. Л.41.
50. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.6. Д.408. Л.38.
51. Наш путь. 1919. 28 февраля.
52. Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. №3.
53. ГАОО. Ф.П-1.Оп.1. Д.460 «А». Л.64.
54. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-1926): этика и тактика противоборства. М., 2005.
55. ГАБО. Ф.П-1. Оп.1. Д.740. Л.53.
56. Вместо тезисов. К процессу правых социал-революционеров. Малоархангельск, 1922.
57. Брянский рабочий. 1923. 4 декабря.
58. Брянский рабочий. 1923. 5 декабря.
59. Правда. 1924. 22 февраля.

Об авторе

Кляченков Е.А. – аспирант Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, nilus88@mail.ru

RELATIONS BETWEEN THE SOCIALIST OPPOSITION AND BOLSHEVIKS IN THE TERRITORY OF OREL AND BRYANSK PROVINCES (OCTOBER 1917 – 1924)

Klyachenkov E.A.